

CONGRESSUS DECIMUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

Joshkar-Ola 15.08. – 21.8.2005

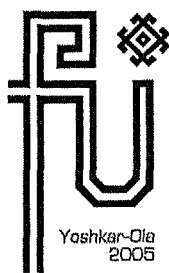
Pars III

Summaria acroasium in sectionibus

Folkloristica & Ethnologia

Litteratura

Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia

Joshkar-Ola, 2005

ББК 63
УДК 93/99
Т 13

Редакционная коллегия: *К.Н. Сануков*
И.С. Галкин
И.Г. Иванов
О.П. Воронцова

Т 13 Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола. – 2005. – 300 с.

ISBN 5-94808-185-0

Третий том серии публикаций X Международного конгресса финно-угроведов включает тезисы выступлений по фольклористике и этнологии, литературоведению, археологии, антропологии, этнической истории; тексты выступлений на симпозиумах и круглых столах. В нем содержатся тексты, посвященные различным вопросам финно-угроведения.

ISBN 5-94808-185-0

ББК 63
УДК 93/99

© X Международный конгресс финно-угроведов, 2005
© ГОУВПО «Марийский государственный университет», 2005

Светлана ДИНИСЛАМОВА

Ханты-Мансийск

Совмещение прозы и поэзии в творчестве Ювана Шесталова – преемственность традиций мансийского фольклора

В творчестве Ювана Шесталова фольклор занимает достойное и основное место. Он, воспитанный в фольклорной традиции, владеющий фольклором, знает и его традиции.

В данной работе рассматривается преемственность с традицией художественной формы. Как известно фольклор народа манси состоит в переплетении прозы и поэзии. Структура многих произведений писателя – также сплав поэзии и прозы. Между тем данный прием не нов и в советской литературной практике, и носит международный характер.

По классификации народа манси, все устное поэтическое творчество подразделяется на то, что поется («эрыг» – песня) и то, что рассказывается («мойт» – сказка). Юван Шесталов, как большой знаток и ценитель родного фольклора данную традицию вводит и в свое творчество: и в поэзию, и в прозу. Причем, даже в поэзии одни стихи поэта «поют», другие «рассказывают», это зависит от ритмики стихотворной речи, созвучной мелодии, напеву. Поэту доступен опыт ритмической организации поэтической речи манси.

Сказанное позволяет сделать вывод, что перебивка прозы и поэзии в творчестве Шесталова – это традиционная черта художественной формы родного фольклора. И хотя вариативность, изменение традиционной формы произведений сам писатель определяет как новаторство, это не препятствует тому, чтобы сказать, что истоки своеобразия его почерка уходят глубоко в народную традицию. Смелое же введение данной традиции в творчество сделано писателем на основе уже имевшегося и развивавшегося современного литературного опыта.

Татьяна ЗАЙЦЕВА

Ижевск

Современная удмуртская проза. К проблеме читательской направленности текста

В последние годы широкое распространение получило признание активной роли читателя в развитии литературного процесса. Термин «читатель» включает в себя одновременно три смысла: во-первых, «читатель» как человек, реально существующий, имеющий конкретную биографию, личный жизненный опыт; во-вторых, «читатель-образ» как результат авторского вымысла, бытующий в художественном тексте наравне с другими образами литературного произведения; и в-третьих, совершенный, идеальный «читатель-адресат», существующий в авторском воображении. «Читатель-адресат» есть воображаемый, имплицитный, внутренний читатель, постоянно присутствующий в сознании или подсознании автора, участвующий в порождении смысла произведения. В центре внимания доклада – проблема читателя-адресата в художественном творчестве современных удмуртских писателей.

Сильные перемены в новой удмуртской прозе произошли в традиционно устойчивой связке «автор – герой – читатель». Произошла утрата литературной былой зна-

чимости своей сугубо общественной роли в сторону эстетической. Писатель перестал воспринимать себя в качестве особо выделенного лица, проповедующего идеологию государства. Отказ современного писателя от авторитаризма по отношению к читателю актуализировал диалог автора с идеальным читателем-адресатом, возросло доверие литературы к реальному читателю, но существующему в сознании автора как «посвященному». Доверительно-признательная установка произведения на читательское восприятие расширяет реальную читательскую массу.

Современный автор создает иллюзию отказа от героя, т.е. герой и автор перестают различаться, и таким образом автор принимает на себя функции персонажа, действующего лица, героя. Вовлечение в текст реального автора-творца, существование героя и автора в едином интенциональном поле продиктовано писательской задачей самопонимания, самообнаружения себя в изменившемся мире. История автора, двойника реального автора, сделавшаяся предметом специального изображения и одной из линий сюжета новых произведений, обусловила нарастание функциональной роли сверхтекстовых элементов – жанрового подзаголовка, эпиграфов, примечаний, сносок, приложений, посвящений, комментариев и т.д. Наиболее примечателен в этом плане роман С. Матвеева «Шузи» («Придуток») с вынесением в подзаголовок определения жанра как «роман-зулен» («роман-болтовня», «роман-байка» или «роман-треп»). Ясно проявляются вышеназванные приметы и в повестях О. Четкарева «Кычес» («Петля»), Л. Нянькиной «Ау-ау! Яке инбамыс гождьес» («Парабола»). Коммуникативная успешность текста обеспечивается авторской установкой на имплицитного читателя, равного, близкого, родственного писателю. Близость к читателю создается также авторской направленностью на ироничность, беспарфосность тона, игровое отношение к жизни и к литературе.

Становление новой писательской идентичности обнаруживается в том, что писателю становится необходим читатель как друг-исповедник, человек, которому можно доверить самые скрытые чувства. С другой стороны, читателю интересен опыт, поиски писателем устойчивой системы ценностей. Ощущение человеческого равенства автора, героя и читателя придает чувство литературной значимости самого литературного творчества, что находит свое формализованное выражение в жанровой системе: активно развиваются автобиографическая повесть, повесть-воспоминание, мемуары. Ценную попытку понять недавнее прошлое и современность с их реальными литературно-бытовыми обстоятельствами явили различные жанры воспоминаний: Г. Романова «Жужыт-жужыт гурезе» («Моя высокая-высокая гора»), А. Конюхова «Шудтэм шуд» («Несчастливое счастье»), Т. Владыкина «Улон со» («Это жизнь»), С. Пушина-Благинина «Исповедь грешницы, или я – удмуртка», П. Чернов «Егит дыр кырганьес» («Песни моей молодости»), К. Куликов «Улонын мар но уг луы» («И чего только в жизни не бывает»), У. Бадретдинов «Шордин», М. Атаманов «Мой путь в Библию» и др. Заметим, что многие авторы мемуарной прозы не являются писателями в традиционном смысле этого понятия.

В реальный мир проникло ощущение равенства автора и фактического читателя его произведения. Но писатель воспринимает свое равенство с читателем лишь постольку, поскольку они с идеальным читателем едино мыслят. Созданный воображением автора идеальный читатель-адресат, хоть и имеет много общего с реальным читателем, не равен ему. У фактического читателя свой жизненный и эстетический опыт, свои симпатии и антипатии. Ожидаемый автором читательский отклик не совпадает с реакцией реального читателя, возникает ситуация непонимания или неприятия, характерная для переходных эстетических периодов. Так, произведения С. Матвеева, Л. Нянькиной, С. Пушиной-Благининой, П. Чернова и даже М. Атаманова вошли в противоречие с традиционными установками многих читателей. Ситуация спора-диалога знаменует поиск новых художественных возможностей, является действенным фактором литературного процесса.